Дм. Кленовский

Последнее

1977

Последнее

СБОРНИКИ СТИХОВ ТОГО ЖЕ АВТОРА

След жизни	1950 г.
Навстречу небу	1952 г.
Неуловимый спутник	1956 г.
Прикосновение	1959 г.
Уходящие паруса	1962 г.
Разрозненная тайна	1965 г.
Стихи (избранное из шести книг и новые стихи)	1967 г.
Певучая ноша	1969 г.
Почерком поэта	1971 г.
Теплый вечер	1975 г.

Дм. Кленовский

Последнее

Мюнхен
1977

Выписывать книги Дм. Кленовского можно через A. Neimanis Buchvertrieb, 8000 München, 40, Bauerstr. 28.

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in West Germany

КАК ВСЕГДА — МОЕЙ ЖЕНЕ

Пусть иной из поэтов
Что затворник живет,
В одиночестве этом
О себе лишь поет.

Никогда одиночкой
Не останется он,
В ком-то, строчка за строчкой,
Он всегда отражен.

Вот и бродят по свету,
От души до души,
Из копилки поэта
Золотые гроши.

И поэту известно,
Что он чей-то двойник,
Что он в ком-то безвестном
Повторённым возник.

И награда поэту
За творимое им
В том, что где-нибудь это
Пригодится другим.

1975

Нагрянет, всё и навсегда
Решающая переделка —
Пошли мне, Господи, тогда
Посимпатичнее сиделку.

Нет, мне конечно не нужна
Красавица! К чему? Но всё же
Нельзя ли, чтоб была она
И постройней и помоложе!

Вот если б русской! Чтобы ей
Не обернулось криптограммой
То, что в одну из злых ночей
В бреду наговорю стихами.

Не так уж важно может быть,
Когда, Онегину подобна,
Она хорея отличить
От ямба будет неспособна.

Зато, когда наедине
Останусь я с самим собою,
Она глаза закроет мне
Своею русскою рукою —

Как будто родина со мною
Прощается в чужой стране!

1975

На детском крестике моем
«Спаси и сохрани» стояло
И вот судьба моя во всём
Такую просьбу оправдала.

Конечно эта же мольба
На многих крестиках таилась,
Но много ль тех, кому судьба
Такую же явила милость?

Я не решаюсь утверждать,
Что промысел в ней виден Божий,
Но почему опять, опять
На то бывает так похоже!

Я заблудиться не хочу
В моих земных недоуменьях
И просто верою плачу
За смутное предположенье.

1975

С каждым изменением названия
Что-то милое идет на слом.
Город Пушкин у меня в сознании
Царским не становится Селом.

Петроград с его тяжелой тризною
Петербургу нашему не брат
И уже совсем зловещим призраком
Нынешний маячит Ленинград.

А за ним пришло на память множество
Оскверненных сёл и городов —
Жалкое словесное убожество,
Повторенье омертвелых слов.

Вновь и вновь шагами молча мерю я
Кладбище погубленных имен.
Что же: примириться мне с потерею
Или мертвый будет воскрешён?

Может быть в часовне, за околицей,
Где-нибудь в олонецкой глуши,
Сам Господь наш за Россию молится,
За спасение ее души!

1976

МОЛЧАНЬЕ

Помолчать мне что-то захотелось
На моем любимом старом пне,
Где порою так легко мне пелось,
А сегодня — не поется мне.

Помолчать? Но втайне кто не знает,
Что молчанье тоже говорит,
Что оно карает и прощает,
Позволяет, терпит и сулит.

Пусть в молчаньи дремлет послушанье,
Но обида тоже в нем жива.
Вероятно где-то на молчанье
Пишут музыку, как на слова.

Может статься, что уже когда-то,
Кто-то мне незримым другом стал:
На мое молчание сонату
(Неплохую даже) написал.

И не здесь, а там, куда я свыше
Вероятно доступ получу,
На концертной, меж других, афише
Я ее название прочту.

И войдя в обещаное зданье
На свидание с самим собой,
Я услышу там мое молчанье,
Самый сокровенный опус мой.

1976

Мы постоянно здесь живем
В каком-то трудном разночтеньи:
То с тайным спутником вдвоем,
То в пустоте, в уединеньи.

Мы здесь с нездешним наравне,
Здесь вперемежку прах и чудо.
Вот даже этот вздох во сне:
Ведь он и здешний и оттуда!

1976

Когда бы не могли собою
Владеть сады, луга, леса —
К нам доносились бы весною
Взволнованные голоса.

Не может быть, чтоб в полдень мая
Когда к цветку прильнет пчела,
Не трепеща, не воздыхая,
Твоя черешня зачала.

Он нам не слышен, затаенный,
Завороженный этот стон,
И только женщине влюбленной
Быть может смутно внятен он.

1976

Не Вечный Город под подушкой
Для сна сегодня сберегу,
А маленькую деревушку
На генуэзском берегу.

Туда взобраться мне придется
По руслу старого ручья
И неожиданно найдется
Всё то, что там оставил я.

Головоломка коридоров,
Ступенек, арок приведет
Туда, где старая сеньора
Всё ту же комнату сдает.

Где та же самая мадонна
С прозрачной бледностью лица
Теперь всё так же умиленно
Глядит на нового жильца.

Откуда из оконной ниши
Совсем по-прежнему видны
Обрывок неба, выступ крыши,
Сверканье вспененной волны.

И мнится: если бы отсюда
Я никогда не уезжал —
Причастником того же чуда
Неизменяемости стал.

Остался бы навеки юным,
Всё ту же девушку любил,
Перебирал всё те же струны
И тех же голубей кормил.

Всё сохранилось бы как было,
И даже — кто подумать мог! —
Не потускнели бы чернила
Тогдашних юношеских строк.

1976

Я вспомнил, нет, не «чудное мгновенье»,
Хотя, конечно, было и оно,
А наше терпеливое сближенье,
Слиянье двух, еще чужих, в одно.

Да, наша дружба нам далась не даром!
Сперва нам повозиться с ней пришлось,
Она не раз бывала под ударом
И строилась сначала на авось.

Припомним, как ее мы пеленали,
Баюкали, учили говорить,
Как бережно ее мы приучали
Правдивой, честной и разумной быть.

И выросла она пригожей, стройной
И вот уже не мы ее — она
Нас учит нынче шепотом спокойным
Всю горечь жизни, всю допить до дна.

Счет времени уже ведем часами
И жаль, что в неизбежности земной
Ей умереть придется вместе с нами
Такой еще и свежей и живой.

1976

Ты пришла ко мне сегодня,
Но пришла во сне.
Я проснулся. Старой сводней
Дремлет ночь в окне.

Я зову, я жду ответа!
Объясни же мне,
Почему пришла ко мне ты
Именно во сне?

Ты живешь неподалеку,
Пять минут пути,
Ты могла бы ненароком
Наяву зайти!

Я ответ твой все больнее
В сердце берегу.
Ты сказала: «Лишь во сне я
Прежней быть могу!»

Прежней будешь лишь со спящим?
Все понятно мне!
Приходи ко мне почаще,
Но всегда во сне!

1975

Нас судьба с тобой уберегла
От одной мучительной науки,
Той, что никому не помогла —
От ползучей, медлящей разлуки.

Будто бы и ладно и подстать,
Словно всё пригоже и в порядке,
Но уже с подругою играть
Начинаешь понемногу в прятки.

А затем заметишь как-нибудь,
Что тебе уже ненужным стало
Ни в глаза, как прежде, заглянуть,
Ни к губам прижаться, как бывало.

Нет в улыбке прежнего тепла,
С каждым днем всё глуше, всё тускнее
Пеплом покрывается зола
И ладоней не согреешь ею.

Вот еще раз вздрогнул и погас
Уголек уступки и терпенья . . .

Хорошо, что миновало нас
Это хладное самосожженье!

1976

AUFFORDERUNG ZUM GLÜCK

Вот опять стоишь ты на подножке
Поезда, что медлит отойти.
Разберись же хоть сейчас немножко
В остановках на твоем пути!

Сколько было лишних и напрасных,
Но ведь сколько было и таких,
Что могли бы даже стать прекрасны
Если б лучше ты вгляделась в них.

Подожди, помедли хоть минуту!
Главное в глаза мои взгляни,
В те, куда всё чаще почему-то
Ты заглядывала в эти дни!

Спрыгни же с подножки посмелее!
Хорошо бы — прямо мне на грудь!
И пускай твой поезд всё быстрее
Без тебя летит куда-нибудь

1976

Ты глазами предупредила,
Что к тебе прикоснуться можно,
Что решилась ты, уступила
И не нужно быть осторожным.

Чудо первого поцелуя
Не вернется уже конечно
И теперь я тебя целую
Хоть и радостно, но беспечно.

И в беспечности той, в привычке,
Что-то милое есть, такое,
Словно входишь ты без отмычки
В крепко запертые покои.

Где навстречу тебе, нескоро,
Не солгав ни рукой, ни взглядом,
Поднимается та, с которой
Торговаться уже не надо.

Ни настойчивым быть, ни смелым
И без жадности, без смятенья
Подарить и душе и телу
Благодатное повторенье.

1975

Те очень нежные слова,
Что ты когда-то мне сказала,
Не все, а иногда едва
Скупая память удержала.

Их было много. Столько есть
На площади Святого Марка
Ленивых горлиц и не счесть
Участниц этого подарка.

Вот так же не пересчитать
И не запомнить без ошибки
То, что успела ты сказать
Сквозь смех, сквозь слезы, сквозь улыбки.

И всё-таки порой еще
Меня твой голос догоняет,
Венецианской на плечо
Внезапно горлицей взлетает.

И слышу снова, что едва
Еще возможным мне казалось,
Те очень нежные слова,
Что ты когда-то мне сказала.

1976

Тот берег был не пляжем модным,
Но трудной долей рыбака,
А потому и несвободным
От чешуи и сорняка.

Там билось подлинное сердце,
Но жизнь была бедным-бедна,
Венки из чеснока и перца —
Всё, чем украсилась она.

Вдоль стен, на лавках, так же сухи,
Как эти самые венки,
Сидели черные старухи,
А чуть поодаль — старики,
Поджарые, с серьгою в ухе,
Кто без ноги, кто без руки.

Там словно всё и все дремали
И просыпались лишь тогда,
Когда обратно приплывали
С уловом ветхие суда.

Тогда толпились и бранились
И было много суеты
И за поживой торопились
Со всей окрестности коты.

Потом опять все шумы гасли
И лишь порою кое-где
В оливковом шипели масле
Сардинки на сковороде.

1976

Ты не забудешь никогда
        Того, что было,
Того, как радостно тогда
        Меня любила!

Пускай придет в свой должный срок,
        Сменяя лето,
Сухой осенний холодок,
        Прощальный этот —

Ты лучшее в своей судьбе
        Не позабудешь,
Ты задремавшее в тебе
        Порой разбудишь.

И зная, что и даль ясна
        И путь нестрашен,
Захочешь ты вернуться на
        Цитеру нашу.

Ты ступишь на ее песок
Уже не робко,
Легко отыщешь между строк
В былое тропку.

И платье сбросив на бегу,
Уже нагая,
Очнешься там, где берегу
И жду тебя я.

Где жив еще и посейчас
Наш летний вечер,
Где я тебя, как в первый раз
Губами встречу.

1975

Я всегда ее крестил,
Разлучаясь с нею,
Чтоб Господь ее хранил
Той же и моею.

Может быть и без того
Так же получилось
И с любимой ничего
Ровно не случилось.

Но в кресте прощальном том
Есть такое что-то,
Что двоих хранит вдвоем:
Нежность и забота.

Вот и тянет, и притом
Так неудержимо,
Осенить своим крестом
Путь своей любимой.

1976

Не знаю почему сегодня,
Еще в рассветном полусне,
Как будто волею Господней
Немного легче стало мне.

Иль это попросту пилюли
Да снисходительная ночь
Мои сомненья обманули,
Сумев мне все-таки помочь?

Я две возможности, гадая,
Кладу на чашечки весов.
Что перевесит — я не знаю,
За правду всё принять готов.

И пусть поддамся я неверью,
Уже не сердцу, а уму —
Я всё же сохраню доверье
К прикосновенью Твоему.

1976

SCHERZO

Проходящие поезда!
Всё торопитесь вы! Куда?
Может именно в те края,
Где когда-то бывал и я
И куда мне сегодня страсть
Как хотелось бы вновь попасть!

Проходящие поезда!
Я за вами слежу всегда
И завидую вам давно!
Вот бы мухою к вам в окно
Мне на станции залететь,
А на утро уже поспеть
(Музой Странствий и тут храним)
Во Флоренцию, Парму, Рим.
Я бы знал, что мне делать там:
Погулял бы по куполам,
Кампанильям, паркету зал,
По музеям бы полетал,
Где рафаэлевский мазок
Я на память слизнуть бы мог.

С мушкой там заведу роман,
С той, чей предок, ретив и рьян,
По преданью так осмелел,
Что Джаконде на губки сел
(С той поры у ней, говорят,
Та улыбка и этот взгляд).

Ну, конечно, и там вот-вот
Мой нехитрый конец придет,
Но умру я не так, как тут,
В нашем городе, мухи мрут.
Пусть прихлопнутым быть и мне,
Но на мраморном на столе,
А мой прах сдунет ветер в сад,
В иглы пиний и треск цикад!
Или в жаркий базарный день
На лотке заберусь я в тень
Меж лимонов, гранат, олив
И навеки усну, счастлив,
Под звучащий со всех сторон
Колокольный немолчный звон.

1975

Я все готов простить сполна,
Без очной ставки, без дознанья,
И ни одна твоя вина
Не омрачит воспоминанья.

Но есть предел и сквозь него
К тебе пробиться я не в силах:
Я не смогу простить того,
Что ты мне, ты — не всё простила,

1976

О том, что я уже дошел,
Что вот и там тебя целую,
Что мне там даже хорошо —
Сказать оттуда не смогу я.

Вот почему уже сейчас
За то, что верю в это чудо,
Разрешено мне в первый раз
Тебе сказать о том отсюда.

1976

Под лодкой, килем вверх лежащей,
Я тоже килем вверх лежу
И в развлеченьи подходящем
Свое там время провожу.

В песке копаюсь и оттуда
Я извлекаю наугад
Не драгоценности, не чудо,
Но всё же некоторый клад:

Флакончик с яркой этикеткой,
Колечко с мелкой бирюзой,
Полуистертую монетку
С какой-то надписью чужой.

Вот камешек в забавных пятнах,
Ракушка с острым завитком
И крабик тот, что так занятно
Передвигается бочком.

Всё это мелочи конечно!
Бродя по берегу не раз,
Я наступал на них беспечно,
А вот увидел лишь сейчас.

Явившись словно из могилы
На этой отмели пустой,
Они мне сразу стали милы
Своей наивной простотой.

Не так ли вот у нас с тобою!
Всю опознать тебя готов,
Я целый мир в тебе открою
Каких-то милых пустяков.

Да, пустяков! Но ими всё же
Ты станешь мне еще родней,
Еще немного приумножишь
Богатство близости твоей.

1976

Будем, Женщина, откровенны!
Расскажи-ка мне о себе.
О своей такой сокровенной,
Потаенной такой судьбе.

Ты пришла из глубокой дали,
Из угасших пространств и лет,
Где тогда тобой торговали,
Продавая за горсть монет.

Где тебя опалило пламя
Инквизиторского костра,
Целомудрия пояс ранил,
Ранил с вечера до утра.

Ты за это под нежной маской
Затаила в душе вражду
И недаром всегда с опаской
На свиданье с тобой иду.

Ведь с мужчиною в поединке,
Пусть не зная того сама,
За невольничьи мстишь ты рынки,
За гаремы и терема.

Но давнишний твой облик снова
Возникает еще порой!
Вот рабыней, на всё готовой,
На ковре ты передо мной.

Неужели забыть могла ты,
Что за тело твое когда-то,
Где-то, кажется, три дуката
Сторговавшись я заплатил,
На костер твой дрова тащил
И в мошну мою ключ твой прятал!

1976

Я никогда не забываю
Твоей единственной цены,
Но расплачу́сь ли я — не знаю!
Поэты, видишь ли, бедны!

Я золота в стихотворенья
Свои никак не умещу,
А медяками посвященья
Тебя обидеть не хочу.

Вот так и будешь постоянно,
Без ясных фраз и четких слов
Бродить негромкой, безымянной
Меж строчками моих стихов.

1975

Сколько тайн у любимой,
Начиная с былого,
Сокровенных, таимых,
О которых ни слова.

Жизнь еще приумножит
Тайны старые эти,
Есть другие быть может
У нее на примете.

Тайна дремлет до срока,
Не наступит он сразу,
Самой страшной, жестокой
Ты еще не наказан.

Только знай — это будет
И наверное даже,
Если, смотришь, разлюбит
И об этом — не скажет.

1976

Не знаю, согласиться захотите ли,
Но верю я (а может быть и ты?),
Что подмечают ангелы-хранители
Не только просьбы, но и все мечты.

Стараются предостеречь заранее,
Когда для нас таится в них беда,
А если в них не скрыто злодеяние —
То даже исполняют иногда.

Иначе б я не побывал в Италии,
Любимых женщин не поцеловал,
Сюда, на волю, выбрался едва ли я,
А, значит, и стихов бы не писал.

За всё, за всё благодарю Создателя,
Но вероятно более всего
За то, что терпит на земле мечтателя,
Порою даже балует его.

1975

Я молюсь Ему стихами,
Мне мерещится давно,
Что общенье между нами
Тем прочней закреплено.

Что порой одной строкою
Вся молитва решена
И летит тогда стрелою
Ко Всевышнему она.

Что Он делать будет с нею —
Я не знаю. Может быть
С ангелом мою затею
Он захочет обсудить?

И велит ему пожалуй
Осторожно мне внушить,
Что такой молитвы мало,
Чтоб просимого достичь.

Чтоб от гордости лечился,
Не всегда считал, что прав
И молиться научился
Без лирических приправ.

1976

ПРИМЕЧАНИЕ

Этот сборник вышел в свет после смерти автора, но, в предчувствии ее, был подготовлен им самим. В сборник вошли стихи, написанные Дмитрием Кленовским в 1975 и 1976 гг., когда он был тяжело болен и поражен слепотой.

СОДЕРЖАНИЕ